

Наталья Куревич

МИР РАЗДЕЛИЛСЯ НА СВЕТЛЫЙ И ТЕМНЫЙ

12+

Наталья Ивановна Курсевиц

Мир разделился на светлый и темный

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66356540

SelfPub; 2021

Аннотация

Драматический монолог «Мир разделился на светлый и темный», написанный в форме воспоминаний очевидицы, основан на документальных материалах Второй мировой войны. Автор предлагает проанализировать потребности и возможности открыть смысл в собственной жизни как главную движущую силу поведения и развития личности. Актуальность этой идеи раскрывается посредством встречи личности с тяжелейшими обстоятельствами войны. В сценарии выявлено: наибольшие шансы выжить имел тот, кто отличался наиболее крепким духом, кто имел смысл, ради которого стоит жить. Актуальность сценария обоснована утверждением: стремление к смыслу помогает человеку не только выжить в самых тяжелых условиях, но и справиться с непростыми испытаниями славой, богатством и почетом.

Наталия Курсевич

Мир разделился на светлый и темный

Мир для меня после войны разделился на светлый и темный: мы и они – человек и нечеловек. И это знание уже – навсегда.

БЛОКАДА.

Война нас застала в Ленинграде. Я расскажу о блокаде, во время которой мы жили... Убивали нас голодом 900 дней блокады. Каждый день казался вечностью. Вы не представляете, каким длинным голодному человеку кажется день, час, минута!.. Люди, как тени, медленно двигались по городу,.. как во сне, в глубоком сне... Ты это видишь, но у тебя мысль, что ты видишь сон...

Мама хранила несколько кусочков сахара... Это был наш золотой запас. Один раз младшая сестренка не выдержала – и взяла один кусочек. Через несколько дней еще один. Потом опять. Скоро не осталось ничего.

Заболела мама. Ей нужна глюкоза. Сахар. Она уже не могла подняться. На семейном совете решили – достать заветный сахар. Наше сокровище! Вот... мы его и сберегли для такого дня! Но... весь дом перерыли, а сахара нет. Младшая сестренка вместе со всеми искала... А вечером призна-

лась... Старшая сестра ее была!.. А младшая сестренка просила ее: «Убей меня! Убей! Как я буду теперь жить?!»...

Летом и осенью 41-го не было достаточной настойчивости, твердости, последовательности в эвакуации населения, это пришло позже... и в условиях несравненно более трудных, – когда пришлось вывозить (и даже выводить пешком на сотни километров!) около миллиона ослабленных голодом людей, – в морозы, под бомбежками и обстрелами...

Память сохранила все до деталей: мамин ситцевый платок, папины шершавые руки... Если бы я только знала тогда, что с нами станет; если бы только знала, что будет дальше... А дальше,.. а дальше война. Она забрала у меня все. Мой отец погиб на фронте, мою маму и сестренку (после нашей эвакуации из блокадного Ленинграда) убили на оккупированной территории ...немцы. А я выжила, выжила... Понимаете?.. Выжила, ...выжила. А сердце тогда стучало тихо так: тук-тук,.. тук-тук... Вот только не понимала «зачем»? Зачем?..

А у отца глаза были, как небо майское, теплое, нежное, а теперь они закрыты, и он зарыт! Где – где же он зарыт? Там? Там? Или там? Папа! Папочка мой! Мама... Мамочка, мамочка!!! Сестренки!!! Я вас похоронила... во дворе... Немцы, немцы, немцы... Скоты!!! Я спать не могу, не могу, мамочка. Снится дом наш, папа снится, ты снишься... Папа, сестрички... И немцы! И война снится!.. И война стонет... Подлая! И люди в крови все умирают... И я просыпаюсь,..

кричу(!)... и просыпаюсь... И сердце стучит снова, как тогда: тук-тук,.. тук-тук...

В ЭВАКУАЦИИ.

Немцы(!)... Впервые к нам они заявили летним днем. Мы с младшей сестренкой сидим на крылечке, в ладонях вишни, и мы этими вишнями играем в войну. Сестренка побеждает, смеется... И вдруг, побелев как мел, беззвучно, одними губами, как в обмороке, прошептала: – Немцы!.. Их было много. Один из них, таща за уши убитого кролика кричал:

– Мамка! Ком гэр!

Но вместо мамки увидев нас с сестричкой – двоих ошалевших, измазанных вишней – немец наставил свой пистолет:

– Пух! Пах! Капут!..

И расхохотался. Довольный, сытый, в одной руке пистолет, в другой кролик, истекающий кровью... Было ясно, что он не чувствует боли ни кролика, ни цветка, ни ребенка... И шутка его – тоже не человечья, потому что он – не человек.

Получилось так, что даже не во время бомбежек, не из-за безумного страха перед голодной смертью, а вот в эту минуту – этой дикой шутки нелюдья мир для меня раскололся на два: светлый и темный – мы и они. Человек и нечеловек!

ФРОНТ.

Вот уже два года как я на фронте... В перерывах между боями я часто вспоминала своих близких, школу, вальс...

Помню, когда прибыла в дивизию...

В 1-ом своем бою я... испытала ощущение беспомощности и страха...

«Ребята, есть кто живой?!», – пробираясь по окопам, спрашивала я, вглядываясь в каждый метр земли...

– Ребята!.. Кому помощь нужна?!.

Я переворачивала мертвые тела, все они смотрели на меня, но никто не просил помощи, потому что уже не слышали. Артналет уничтожил всех!..

– Ну не может такого быть, хоть кто-то же должен остаться в живых?! Андрей, Михаил, Степан, Димка!!!

Я подползла к пулемету и увидела Дмитрия.

«Димочка!!! Дима!!!», – закричала во всю мощь своих легких, но тело уже остыло, только голубые глаза неподвижно смотрели в небо.

Спустившись в другой окоп, я услышала стон...

«Люди, отзовитесь!!! Кто живой?!», – опять закричала я. ...Стон повторился, неясный, глухой... Бросилась искать оставшегося в живых...

«Миленький, я здесь!!! Я здесь!!!», – кричала я, переворачивая всех, кто попадался на пути.

– Я обязательно тебя найду!!! Ты только не умирай, дождись меня! Не умирай! Я обязательно найду тебя!!!

Вверх взлетела ракета, осветив окоп. Стон повторился где-то совсем рядом...

«Я же никогда себе не прощу, если не найду тебя!!!», – кричала я и скомандовала себе: «Давай! Давай, прислушайся! Ты его найдешь, ты сможешь!!!». «Боже, как же страшно! Быстрее, быстрее! Господи, если ты есть, помоги мне его найти!», – я встала на колени... Я – комсомолка просила Господа о помощи!..

Было ли это чудом, но стон повторился... Да, он в самом конце окопа!.. «Держись!!!», – закричала я что есть сил и ворвалась в блиндаж, прикрытый плащ-палаткой. «Родненький, живой!», – руки мои работали быстро, я понимала, что он уже не жилец: тяжелейшее ранение в живот. Свои внутренности он придерживал руками. «Тебе придется пакет доставить», – тихо прошептал он, умирая. Я прикрыла его глаза. Передо мной лежал совсем молоденький лейтенант.

– Да как же это?!? Какой пакет?!? Куда?!? Ты не сказал куда?!? Ты не сказал куда!!!

...Осматривая все вокруг, вдруг увидела торчащий в сапоге пакет... Сидя с ним, молоденьким лейтенантом, я прощалась,.. а слезы катились одна за другой... Забрав документы, шла по окопу, закрывая по пути глаза мертвым бойцам...

Пакет я доставила в штаб. И сведения там, действительно, оказались очень важными.

...За тот день я совсем поседела: рыжие волосы стали со-

вершенно белыми... У человека на войне стареет душа. После войны я уже никогда не была молодой... – Вот главная моя мысль...

Мне открылось, что у каждого человека, у каждого дома и сердца – своя война... У меня тоже – моя война... И такая она живучая, так въелась в каждую клеточку памяти, что, бывает, закрою глаза и – как в кино – ярко, всеми чувствами вижу и чувствую картины войны... Будто сама моя природа, чтобы душа не потеряла свою восприимчивость, опустила меня в ядовитый раствор народного горя... Чтоб я познала эту жизнь из самой ее глубины и сути... и уже навсегда ощутила ту высшую точку отсчета,.. с которой буду судить абсолютно все, что происходит в человеческой жизни!..

В ФАШИСТСКОМ КОНЦЛАГЕРЕ.

У меня появилась потребность построить психологическую теорию смысла и основанную на ней философию человека, раскрыть глаза миллионам людей на возможности открыть смысл в собственной жизни. Актуальность этой идеи определяется уникальной встречей личности с тяжелейшими обстоятельствами места, времени и образа действия...

Еще накануне войны в моем сознании сформировалась теория стремления к смыслу как главной движущей силы поведения и развития личности.

И в концлагере эта теория получила беспрецедентную проверку жизнью и подтверждение – наибольшие шансы выжить, по моим наблюдениям, имели не те, кто отличался

наиболее крепким здоровьем, а те, кто отличался наиболее крепким духом, кто имел смысл, ради которого жить. Мало кого можно вспомнить в истории человечества, кто заплатил столь высокую цену за свои убеждения и чьи воззрения подверглись такой жестокой проверке, нежели узников фашистских концлагерей.

В том, что я сама выжила, сошлись и случайность, и закономерность. Случайность – что я не попала ни в одну из команд, направлявшихся на смерть, направлявшихся не по какой-то конкретной причине, а просто потому, что машину смерти нужно было кем-то питать. Закономерность – что я прошла через все это, сохранив себя, свою личность, свое «упрямство духа», как я это называю, – способность человека не поддаваться, не ломаться под ударами, обрушивающимися на тело и душу.

Выйдя в сорок пятом на свободу и узнав, что миллионы людей погибли в горниле Мировой войны, я не сломалась и не ожесточилась. В течение пяти лет сформировала свое философское понимание, психологическую теорию личности и психотерапевтическую методологию, основанные на идее стремления человека к смыслу.

Стремление к смыслу помогает человеку выжить, и оно же приводит к решению уйти из жизни, оно помогает вынести нечеловеческие условия концлагеря и выдержать тяжелое испытание славой, богатством и почетом. Суждено было пройти и те, и другие испытания и удалось остаться Че-

ловеком, проверив на себе действенность теории и доказав себе, что в человека стоит верить. Действительно, «каждому времени требуется своя психотерапия»... Очень важно нащупать тот нерв времени, тот запрос современных людей, который не находит ответа, – проблему смысла, – и на основе своего жизненного опыта найти простые, но вместе с тем жесткие и убедительные слова о главном.

Моя судьба – довольно редкий случай! – и важно (и есть чему) поучиться в наше время всеобщей относительности, неуважения к знаниям и равнодушия к авторитетам. «Упрямство духа» – это моя собственная формула. Дух упрям, вопреки страданиям, которые может испытывать тело, вопреки разладу, который может испытывать душа.

Я считаю очень важным избегать говорить о религиозности прямо, потому что убеждена: необходимо суметь понять каждого человека, а значит – и помочь ему, вне зависимости от его веры или отсутствия таковой. Духовность ведь не исчерпывается религиозностью. В конце концов, действительно, Богу, если он есть, важнее хороший ли вы человек, чем то, – верите вы в него или нет.

Причиняемая побоями телесная боль была для нас, заключенных фашистского концлагеря, не самым главным. Душевная боль, возмущение против несправедливости – вот что, несмотря на апатию, мучило больше.

Чувствительные люди, с юных лет привыкшие к преобладанию духовных интересов, переносили лагерную ситуацию,

конечно, крайне болезненно, но в духовном смысле она действовала на них менее деструктивно, даже при их мягком характере, потому что: им-то и было более доступно возвращение из этой ужасной реальности в мир духовной свободы и внутреннего богатства. Именно этим и только этим можно объяснить тот факт, что люди хрупкого сложения подчас лучше противостояли лагерной действительности, чем внешне сильные и крепкие.

...Все кругом серо: серое небо, серый в слабом предутреннем свете снег, серые отрепья на стоящих рядом товарищах... И ты снова ведешь свой мысленный диалог с любимым человеком, снова посылаешь свои жалобы небесам, снова, в тысячный раз, ищешь ответа на вопрос о смысле твоего страдания, твоей жертвы, твоего медленного умирания... Но вот, в каком-то последнем порыве, все в тебе восстает против безнадежности смерти, и ты чувствуешь, как твой дух прорывается сквозь этот серый туман, сквозь безнадежность и бессмысленность, и на твой вопрос – есть ли смысл? – откуда-то звучит твердое, ликующее «да!».

Счастье – это когда худшее обошло стороной?..

Мы были благодарны судьбе уже за малейшее облегчение, за то, что какая-то новая неприятность могла случиться, но не случилась... И пусть таких было немного, их пример подтверждает, что в концлагере можно отнять у человека все, кроме последнего – человеческой свободы, свободы отнестись к обстоятельствам или так, или иначе. И это – «так или

иначе» у нас было. И каждый день, каждый час в лагере давал тысячу возможностей осуществить этот выбор: отречься, или не отречься от того самого сокровенного, что окружающая действительность грозила отнять, – от внутренней свободы. А отречься от свободы и достоинства – значило превратиться в объект воздействия внешних условий, позволить им вылепить из тебя «типичного» лагерника.

Нет, опыт подтверждает, что душевные реакции не были всего лишь закономерным отпечатком телесных, душевных и социальных условий: дефицита калорий, недосыпа и различных психологических комплексов. В конечном счете выясняется: то, что происходит внутри человека, то, что лагерь из него якобы «делает», – результат внутреннего решения самого человека. В принципе, от каждого человека зависит: *что* произойдет в лагере с ним, с его духовной, внутренней сущью, – превратится ли он в «типичного» лагерника, или остается и здесь человеком, сохранит свое человеческое достоинство даже под давлением таких страшных обстоятельств.

Достоевский как-то сказал: «Я боюсь только одного – оказаться недостойным моих мучений». Эти слова вспоминаешь, думая о тех мучениках, чье поведение в лагере, чье страдание и сама смерть стали свидетельством возможности до конца сохранить последнее – внутреннюю свободу. Они могли бы вполне сказать, что оказались «достойны своих мучений». Они явили свидетельство того, что в страдании за-

ключен подвиг, внутренняя сила...

Духовная свобода человека, которую у него нельзя отнять до последнего вздоха, дает ему возможность до последнего же вздоха наполнять свою жизнь смыслом. Ведь смысл имеет не только деятельная жизнь, – дающая человеку возможность реализации ценностей творчества, и не только жизнь, полная переживаний, – жизнь, дающая возможность реализовать себя в переживании прекрасного, в наслаждении искусством, или природой... Может сохранять свой смысл и жизнь, как это было в концлагере, которая, не оставляя шанса для реализации ценностей в творчестве или переживании, оставляет последнюю возможность наполнить жизнь смыслом – занять активную личностную позицию по отношению даже к форме крайне принудительного ограничения бытия, – когда созидательная жизнь, как и жизнь чувственная, закрыта...

Но этим еще не все исчерпано. Если жизнь вообще имеет смысл, то имеет смысл и страдание. Страдание является частью жизни, точно так же, как судьба и смерть. Страдание и смерть придают бытию цельность...

Для большинства заключенных главным был вопрос: переживу я лагерь или нет? Если нет, то все страдания не имеют смысла. Меня же неотступно преследовало другое: имеет ли смысл само это страдание, эта смерть, постоянно витающая над нами? Ибо если нет, то нет и смысла вообще выживать в лагере. Если весь смысл жизни в том, сохранит ее че-

человек или нет, если он всецело зависит от милости случая, – такая жизнь, в сущности, и не стоит того, чтобы жить(?).

В том, как человек принимает для себя неизбежную судьбу и вместе с нею все страдания, которые она ему посылает, открывается, даже в самых тяжелых ситуациях и в последние минуты жизни, множество возможностей придать жизни смысл. Это зависит от того, сохранит ли человек силу духа, достоинство и самоотверженность, или же в до предела заостренной борьбе за самосохранение утратит свою человечность и полностью превратится в стадное животное, о котором нам напоминает психология узников концлагеря; от того, осуществил человек, или утратил те ценностные возможности, которые предоставили ему его ситуация страдания и его тяжелая судьба, – от того, оказался ли он «достоин своих мучений», или нет.

Конечно, лишь немногие, лишь редкие люди сохраняли в лагере свою внутреннюю свободу, возвышаясь до осуществления тех ценностей, которые раскрывает страдание. Но если бы этому был даже один-единственный пример, он все равно служил бы доказательством того, что внутренне человек может быть сильнее своих внешних обстоятельств. И не только в концлагере. Человек всегда и везде противостоит судьбе, и это противостояние дает ему возможность превратить свое страдание во внутреннее достижение.

...Когда-то, много лет назад, мы смотрели фильм «Воскресение» по Толстому и тоже думали: «Вот высокие судьбы,

вот великие люди. Ну, а нам не дана такая великая судьба, не суждены такие взлеты»...

Но когда встаешь лицом к лицу со своей судьбой, когда тебе надо решать: сможешь ли ты противопоставить ей силу своего духа, или нет?..

Вот, например, история смерти одной молодой женщины, заключенной концлагеря, свидетелем которой мне пришлось быть. История проста, здесь много не расскажешь, и все-таки она звучит возвышенно.

Женщина знала, что ей предстоит умереть в ближайшие дни. Но, несмотря на это, она была душевно бодра. «Я благодарна судьбе за то, что она обошлась со мной так сурово, потому что в прежней своей жизни я была слишком избалована, а духовные мои притязания не были серьезны», – сказала она мне, и я запомнила это дословно. Перед самым своим концом она была очень сосредоточенной. «Это дерево – мой единственный друг в моем одиночестве», – прошептала она, показывая на окно барака. Там был каштан, он как раз недавно зацвел, и, наклонившись к нарам больной, можно было разглядеть через маленькое оконце одну зеленую ветку с двумя соцветиями-свечками. «Я часто разговариваю с этим деревом». Эти ее слова меня смутили, я не знала, как их понять. Может быть, это уже – бред, галлюцинации? Я спросила, отвечает ли ей дерево, и что оно говорит, и услышала в ответ: «Оно мне сказало: «Я здесь, я здесь, я здесь... Я – жизнь, вечная жизнь...»».

Тот, кто не верит в будущее, в свое будущее, – тот в лагере погиб. Он лишается духовной опоры, он позволяет себе опуститься внутренне, а этому душевному упадку сопутствует телесный. Это происходит иногда внезапно, в форме какого-то кризиса, признаки которого хорошо знакомы сколько-нибудь опытным лагерникам. И мы все боялись увидеть (не столько у себя, ибо это было бы уже неотвратимо, сколько у своих друзей) начало такого кризиса.

Обычно это выглядело так: однажды человек остается неподвижно лежать в бараке, – он не одевается, не идет умываться, не идет на построение. Его невозможно поднять: он не реагирует ни на просьбы, ни на угрозы, ни на удары. Ничто на него не действует, ничто не пугает. И если толчком к этому кризису послужила болезнь, все равно... – он не хочет идти в лазарет, не хочет, чтобы его туда отвели; он вообще ничего уже не хочет.

В неделю между Рождеством и Новым 1945 годом смертность в лагере была особенно высокой. Причину надо искать в том, что огромное большинство заключенных почему-то питали наивную надежду на то, что к Рождеству они будут дома. Но поскольку надежда эта рухнула, людьми овладели разочарование и апатия, снизившие общую устойчивость организма, что и привело к скачку смертности.

Я уже говорила о том, что каждая попытка духовно восстановить, «выпрямить» человека снова и снова убеждала, что это возможно сделать, лишь сориентировав его на ка-

кую-то цель в будущем. Девизом всех психотерапевтических и психогигиенических усилий может стать мысль, ярче всего выраженная, пожалуй, в словах Ницше: «У кого есть «ЗАЧЕМ», тот выдержит почти любое «КАК»».

Важно было в той мере, в какой позволяли обстоятельства, помочь заключенному осознать свое «ЗАЧЕМ», свою жизненную цель, а это дало бы ему силы перенести наше кошмарное «КАК», все ужасы лагерной жизни, укрепиться внутренне, противостоять лагерной действительности. И наоборот: горе тому, кто больше не видит жизненной цели, чья душа опустошена, кто утратил смысл жизни, а вместе с ним – смысл сопротивляться. Человек, утративший внутреннюю стойкость, быстро разрушается. Фраза, которой отклоняются все попытки подбодрить, типична: «Мне нечего больше ждать от жизни». Что тут скажешь? Как возразишь?

Вся сложность в том, что вопрос о смысле жизни должен быть поставлен иначе. Важно выучить самим и объяснить сомневающимся, что дело не в том, чего мы ждем от жизни, а в том, чего она ждет от нас. Говоря философски: мы должны не спрашивать о смысле жизни, а понять, что этот вопрос обращен к нам, – ежедневно и ежечасно жизнь ставит вопросы, и мы должны на них отвечать – не разговорами или размышлениями, а действием, верным поведением. Ведь жить, в конечном счете, – значит нести ответственность за выполнение тех задач, которые жизнь ставит перед каждым, за выполнение требований дня и часа.

Эти требования, а вместе с ними и смысл бытия, у разных людей и в разные мгновения жизни разные. Значит, вопрос о смысле жизни не может иметь общего ответа. Жизнь, как мы ее здесь понимаем, не есть нечто смутное, расплывчатое, она – конкретна; как и требования ее к нам в каждый момент – тоже весьма конкретны. Эта конкретность свойственна человеческой судьбе: у каждого она уникальна и неповторима.

Да, ни одного человека нельзя приравнять к другому, как и ни одну судьбу нельзя сравнить с другой, и ни одна ситуация в точности не повторяется, – однако, каждая призывает человека к сообразному (собственному выбору) образу действий. Конкретная ситуация требует от него постоянно делать выбор: то активно действовать – и пытаться самостоятельно формировать свою судьбу; то реализовывать в переживании ценностные возможности жизненных перспектив; то покорно принять свою судьбу – с позиции безысходности...

Для нас в концлагере все это отнюдь не было отвлеченными рассуждениями. Наоборот – такие мысли были единственным, что еще помогало держаться. Держаться и не впадать в отчаяние даже тогда, когда уже не оставалось почти никаких шансов выжить. Для нас вопрос о смысле жизни давно уже был далек от того распространенного наивного взгляда, который сводит его к реализации творчески поставленной цели. Нет, речь шла о жизни в ее цельности, включавшей в себя также и смерть, а под смыслом мы понимали

не только «смысл жизни», но и «смысл страдания» и умира-
ния... За этот смысл мы боролись!..

Два случая, которые я вспоминаю, не только могут по-
служить примером практического применения, изложено-
го выше хода мыслей, – они также обнаруживают и приме-
чательную схожесть.

Речь идет о двух мужчинах, которые в своих разговорах
выражали намерение покончить с собой. Оба объясняли его
одинаково и вполне типично: «Мне больше нечего ждать от
жизни». И все-таки удалось доказать каждому из них: жизнь
чего-то ждет от него самого, что-то важное ждет его в буду-
щем. И действительно, оказалось, что одного ждал на чуж-
бине его обожаемый ребенок. Другого не ждал никто персо-
нально, но его ждало дело. Он был ученым, готовил и изда-
вал серию книг; она осталась неоконченной. Сделать эту ра-
боту вместо него не мог бы никто, в ней он был, собствен-
но говоря, так же незаменим, как отец незаменим для своего
ребенка.

Единственность, уникальность, присущие каждому чело-
веку, определяют и смысл каждой отдельной жизни. Непов-
торим он сам, неповторимо то, что именно он может и дол-
жен сделать – в своем труде, в творчестве, в любви. Осозна-
ние такой незаменимости формирует чувство ответственности
за собственную жизнь, за то, чтобы прожить ее всю (до
конца), высветить во всей полноте... Человек, осознавший
свою ответственность перед другим человеком или перед де-

лом, именно на него возложенным, никогда не откажется от жизни. Он знает, зачем существует, и поэтому найдет в себе силы вытерпеть почти любое «КАК».

...Однажды мы с моим приятелем шли через поле (это было в Германии)... И в каком-то месте перед нами оказался засеянный участок с молодыми всходами. Я непроизвольно сворачиваю в сторону, чтобы не затоптать их, но он хватается меня за руку и тащит прямо. Я не понимаю его, я принимаюсь объяснять, что нельзя же топтать молодые посеы. И тут он приходит в ярость – его глаза сверкают, он свирепо смотрит на меня и кричит: «Что ты там лепечешь? У нас что, мало отняли? У меня жену и ребенка удушили газом, об остальном я уже не говорю! А ты боишься растоптать пару их колосков!».

Не очень скоро удастся внушить таким людям ту простую истину, что никто не вправе вершить бесправие, даже тот, кто от бесправия пострадал, и пострадал очень жестоко. Но надо над этим работать, надо добиваться, чтобы открылась истина, ибо иначе последствия могут быть гораздо более серьезными, чем уничтожение нескольких колосков...

Так или иначе, но однажды для каждого наступает день, когда он, оглядываясь на все пережитое, делает открытие: он сам не может понять, как у него хватило сил выстоять, вынести все то, с чем он столкнулся... И главным достижением становится то несравненное чувство, что теперь он уже может не бояться ничего на свете, кроме Бога...

Вот эти мгновенья жалости и сострадания, эти прозрения сердца навсегда остались во мне, открывая высшие смыслы человеческих душ и событий. И среди прочего мне открылось, что война – жесточайшее, беспощадное дело, и что, случившись однажды, она не кончается никогда, пожирая живую силу души человека!..

...За четыре года войны потери нашей армии составили почти девять миллионов убитых. И каждый из них, отдавших Победе самое драгоценное – жизнь(!), достоин того, чтобы пройти в парадном строю по Красной площади! Так вот, если всех погибших поставить в парадный строй, то они шли бы через Красную площадь девятнадцать суток... И я вдруг, как наяву, представила этот парад!.. И девятнадцать дней и ночей через Красную площадь шел бы этот непрерывный поток павших батальонов, полков, дивизий!.. Парад героев, парад победителей!.. Задумайтесь!.. Девятнадцать дней!..

Важно продолжать цепочку исторической памяти(!)... двадцати миллионам советских граждан, убитых на фронтах, замученных в застенках, сожженных, умерших от голода,.. – уничтоженных фашистами! Теперь, более чем когда-либо, необходимо сделать все, чтобы мир всегда помнил о вкладе советского народа в освобождение Европы от фашизма!